

17. РАЗГОВОРЧИКИ В МОРГЕ

Зима 1998-1999. Морг. Специфический запах. Темная лестница. Второй этаж. Заставленный шкафами коридор. В торце "кабинет врача". Там меня ждали.

Специфический запах. Столы, стулья, шкафы. За микроскопом старик в белом халате. "Я — профессор Иван Николаевич Мирончик." Замешательство. Негде присесть. "Где же нам поговорить?"

Торкнулись туда-сюда. Не думал, что в морге столь тесно. Не от почивших — от живых. Белые халаты за обшарпанными столами. Проходная комната. Любопытные взгляды. Узкая дверь. Кладовка два на три. Гора ломаных стульев. Кипы обтрепанных бумаг. Специфический запах. Две старые табуретки. Словно для нас.

"Мне семьдесят два года. Я белорус-западник. При поляках закончил пять классов польской школы. И вот война. При немцах продолжал учиться. Преподавали на белорусском языке наши учителя. Потом поступил в гимназию, там тоже учили по-белорусски. Немцы не запрещали.

Мама болела. Меня посылали в аптеку за лекарствами. Бегал охотно, в аптеке нравилось. Царство бутылочек! Устроился туда учеником. Нас было шестеро детей. Все сейчас живы! Выживать надо было с детства, аптека давала кусок хлеба. Но партизаны аптеку сожгли. Я остался без работы.

Шел 1943 год. Немцы могли взять на службу. Устроился в больничку на подсобную работу. Наступил 1944 год. Немцы отступили. Пришли советы. Меня забрали на военный всеобуч. Закончил, а в армию не взяли, я с 1927-го.

Поступил в Глубокское педагогическое училище. Задело, что учителя разговаривали и преподавали по-русски. Они были присланные из России. Куда подевались белорусские? Как так: учусь в своем городке, а учебники русские? Ученики не понимали. Ходили к директору, требовали учить по-белорусски.

Однажды директор вызвал меня одного. Спрашивает: почему ты по ночам ходишь на железнодорожную станцию, светишь фонариком немецким самолетам? Чтобы они разбомбили станцию? Почему не участвуешь в художественной самодеятельности? Ты — враг? Глупость! Но я знал, чем это пахнет. К счастью, первый курс училища закончил. Там мне не очень нравилось.

В газете вычитал, что в Гродно открывается фармацевтическая школа. Без копейки собрался и поехал. Все равно где жить. Дома голодно и в Гродно

голодно. Поступил в школу. Повезло, встретил землячку, бесплатно взяла на квартиру. Учился и работал. Закончил школу, сразу поступил в Минский медицинский институт.

Все время был далеко от дома. А в Глубокском педучилище, где я проучился год, друзья-земляки продолжали бунтовать за белорусский язык. Создали организацию. Их взяли. Издевались, посадили, приговорили к расстрелу. Я знаю, что был бы с ними. Но меня заморозила медицина..."

Дверь кладовки, где мы сидели, со скрипом распахнулась. В тесном проеме возникла большая женщина в белом халате. Не извинилась, что помешала. Одна ее рука держала дверную ручку, вторая — уперлась в крутое бедро. Поза хозяйки положения. Закрыв телом выход, бесцеремонно нас разглядывала. "Что вам?" — смущенно спросил профессор. "Ничего!" — сказала она и громко хлопнула дверью.

"... Я много лет выписывал газету "Правда". В 1982 году в ней, как всегда, были напечатаны первомайские призывы ЦК КПСС. Девяносто девять пунктов! Занимали целую страницу. Я тогда очень переживал за партию, хотел, чтобы она действительно стала умом, честью и совестью. Хотел помочь ей очиститься от карьеристов и дураков.

Моя душа переполнялась искренними намерениями. Решил изложить их так, как делала партия, — лаконично. Сочинил девяносто девять встречных призывов к ЦК КПСС, направил им. Могу некоторые зачитать.

1. "Мы, белорусы, с братскою Русью к счастью искали дорог, но не наши."

2. "Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь большевистскими штыками."

3. "За уничтожение миллионов ни в чем не повинных граждан коммунистов-фашистов необходимо судить так же, как немецких фашистов."

4. "Долой большевистское колхозно-совхозное рабство!"

5. "Сколько можно сотки пахать за самогонку?"

6. "Без частной собственности на землю передовое социалистическое сельское хозяйство никогда не поднять."

7. "Пусть вновь наполнятся детскими голосами наши деревни!"

В начале 1983 года я провел в Гродно научную конференцию, приехал домой, в Минск. Около десяти лет уже заведовал в Минском медицинском институте кафедрой патолого-анатомии. Меня позвал к себе проректор по

научной части Косько. У него в кабинете сидел товарищ из КГБ. Предложил поехать вместе с ним. Везли втроем на белой "Волге". Допрашивали в КГБ три раза. Мое письмо со встречными призывами было у них. За такую антисоветчину, сказали, тебя можно судить. Но учитывая бедняцкое происхождение решили предупредить.

Возможно, спасло от суда и то, что я не призывал против партии. Ну, как можно придаться к призыву номер 8: "Пусть живет настоящий социализм!"

Показали уголовный кодекс. Если ты клеветешь на Советский Союз как враг — восемь лет. Если клеветешь со злости — три года. Под диктовку написал покаяние, что больше клеветать не буду.

Письменно меня заставили объяснить такие мои призывы.

9. "Долой афганскую авантюру! Виновников за гибель людей — к ответу!" Я пояснил, что интернациональный долг можно выполнять без войны.

10. "Пусть страной руководит не престарелая больная коммунистическая хунта!" Гэбистам не понравилось слово хунта. Восприняли как ругательство. Я пояснил, что маразматический возраст руководителей партии и правительства опасен для страны, в том числе для КГБ.

11. "Братский привет великому польскому народу, борющемуся за честь и свободу своей страны!" По этому призыву меня воспитывали долго. Убеждали, что никаких перемен в Польше не происходит и что наша партия руководит правильно, в перемене курса не нуждается.

12. "Сталин — террорист, Хрущев — распутин, Брежнев — демагог." Товарищи офицеры почему-то обиделись за Сталина. Пришлось рассказать, сколько невинных он свел в могилу.

13. "Прекратить колонизацию республик, иначе это приведет не к созданию единой советской нации, а к межнациональным конфликтам."

14. "Долой цензуру!" Они спросили: а вдруг кто-то в газете напишет чушь, как у вас?

Некоторые призывы были с хохмами. От бессилия.

15. "При коммунистах человек стал тигром, чтобы всех сожрать и выжить."

16. "Принудительная политучеба — пустая трата времени!"

17. "Страны социалистической ориентации, ориентируйтесь на свои возможности, а не на советскую дармовщину!"

18. "Пусть ЦК КПСС объединится в кооператив и за свои деньги построит себе дачи!"

19. "Капиталисты — дураки, коммунисты — умные!"

20. "В стране, где медом пахла гречка, теперь в продаже не найдешь ее со свечкой."

Ну, и так далее. Вот список. Почитаете, если захочется. К сожалению, давние призывы актуальны. В Беларусь возвратилась тоталитарная большевистская система.

Ректор Ключеров и секретарь парткома Кулаженко предложили просить у них прощения, что опозорил институт, партийную организацию. И я — попросил. Несколько дней ждал решения. Наконец меня вызвали на комиссию по моему делу. Ректор Ключеров, секретарь парткома Кулаженко, профессор Лобко, член парткома Свириденко. Зачитали решение: ходатайствовать о направлении профессора Мирончика на лечение в психиатрическую больницу.

Ректор объяснил, что если не пойду в психбольницу, он вынужден будет записать в мою трудовую книжку, что я уволен за клевету на Советский Союз. С такой записью меня никто не возьмет на работу. Пропаду с голода. Меня лишат научных званий. Он должен исключить из института мою дочь, студентку последнего курса. Жену прогонят с работы учителя. Сына уволят из армии. А если пойду в психушку, то в трудовую книжку ректор запишет, что я освобожден от работы по собственному желанию как заболевший психической болезнью. Мне дадут третью группу инвалидности. Я даже обязан работать с такой группой. Если соглашусь стать психом, то с института и парторганизации снимут позор за мой поступок. Мол, что с психа возьмешь.

Чтобы всем было хорошо, я пошел лечиться. Психиатрию изучал. Мне ничего не стоило помочь коллегам-врачам увидеть во мне соответствующие симптомы, сделать из меня душевнобольного..."

Дверь нашей кладовки вновь распахнулась. Мы увидели женщину в белом халате. Не ту, что уже являлась. Эта была круче. Статная молодка с не зажженной сигаретой в пальчиках. "Мне надо покурить!" — сообщила с вызовом. Профессор заволновался: "Найдите другое место. Видите, мы разговариваем". — "Ведите свои разговорчики в кабинете!" — "Там нет места. Мы мешали бы." Иван Николаевич оправдывался. Мне было неловко. Унижали старого человека. "Мы скоро", — попросил он. "А где мне курить?!" — "Бесстыдница! Уйдите!" — Насколько мог, он повысил свой слабый голос. Молодка исчезла за дверью.

"...В больнице я пробыл полтора месяца. Назначенные лекарства выбросил. На вопрос профессора Сорокиной, как переношу лечение, ответил, что хорошо.

Врачи-психиатры сотрудничали с МВД и КГБ. На бланках психиатрических учреждений стояла аббревиатура МВД. Мои встречные призывы к ЦК КПСС у медиков назывались "письменной продукцией пациента".

Для установления диагноза была создана комиссия из высококвалифицированных психиатров. Я всех знал, раньше часто встречались на научных конференциях. Теперь они меня лечили, заодно воспитывали. Присутствовали только четыре члена комиссии. Остальные были телепатами, устанавливали диагноз на расстоянии.

Председатель комиссии профессор Волков пожурил меня, что не прочитал "Капитал". Иначе я не говорил бы, что Октябрьская революция породила новые формы эксплуатации человека человеком. Член комиссии доцент Скугоревский ни в какую не соглашался, что социализм у нас не настоящий и не развитый. Я тебя, говорит, выписал бы, но дискуссия показала, что тебе надо лечиться.

Члены комиссии пришли к заключению, что я страдаю вялотекущей шизофренией. Этот диагноз обычно выставляли диссидентам.

В психушке горе человека только начинается. Его переводят из социального существа в биологическое. Практически человек лишается всех прав. На работу не возьмут. На истории болезни ставят штамп: ПН. Переписка нежелательна. Чем больше он жалуется на своих обидчиков, на свою судьбу, тем больше его считают психически больным. На его письма не реагируют. На этом основана нейтрализация политических оппонентов при помощи психиатрии.

Из больницы я послал заявление в партком института о выходе из партии по собственному желанию. Сослался на то, что сумасшедшие не могут добросовестно исполнять обязанности члена КПСС. Однако исключили за клевету на СССР. Ректор освободил меня от обязанностей заведующего кафедрой по причине психического заболевания. Мне дали третью группу инвалидности, поставили на учет в психдиспансере.

Меня уже выгнали из института, но секретарь парткома Кулаженко не хотел подписывать обходной лист. Требовал, чтобы я уплатил партийные взносы за время от подачи заявления до исключения. Ну, кто из нас псих!

К дочке-студентке начали придирается по пустякам, угрожали отчислить. С трудом окончила институт. Жена от переживаний за меня, за детей получила кровоизлияние в головной мозг, стала инвалидом. А сына нашего этот террор довел до гибели.

Сотрудники кафедры при встрече отворачивались, старались прошмыгнуть мимо. Хотел устроиться на клинической базе кафедры практикующим врачом. Не взяли. Найти работу помогла бывшая однокашница, заведующая Минским горздравотделом Мазурова. Приказала взять меня врачом в паталого-анатомическое отделение первой минской клиники. С 1983 года я в морге. Сфера моих интересов — трупы, биопсийный материал живых. Научной работой заниматься не могу.

В 1992 году я попросил в КГБ копии моих материалов. Вот что ответил Мацкевич: "В связи с упразднением 5-х подразделений КГБ, а также за давностью времени материалы, относящиеся к указанному периоду (1983 г.), уничтожены как утратившие оперативную и историческую ценность."

Не верю, что уничтожили. Гэбисты просто заматают следы. В пятом отделе спрятано много материалов о национальном возрождении, правящий режим ими пользуется. Верю, что будущие историки до них еще докопаются.

На работе говорю теперь на родном языке. На белорусском оформляю документацию, отвечаю по телефону, веду переписку. Моя начальница терпела-терпела — и высказалась. Ясно, по-белорусски я заговорил оттого, что ненормальный..."

Дверь кладовки решительно открылась. Та самая молодка с сигаретой. По-видимому, стояла под дверью. "Я же сказала, мне надо покурить!" Все-таки она выгнала нас. Чтобы продолжить разговор, надо было идти или к покойникам, или на улицу. Выбрали второе.

На улице губы старого профессора начали дрожать — от холода и обиды. Собачий холод напомнил мне его встречный призыв 1982 года номер 21: "Назовите меня собакой, если не развалится СССР!"

1999